

theoretical concept // *Communication Monographs*. 1982. № 49. P. 229–248.

12. Coker D., Burgoon J. The nature of conversational involvement and nonverbal encoding patterns // *Human Communication Research*. 1987. № 13. P. 463–494.

13. Mehrabian A. *Silent messages* (2nd ed.). Belmont, CA Wadsworth, 1981.

14. Rubin R.B., Martin M.M. Interpersonal communication motives // McCroskey J.C., Daly J.A., Martin M.M., Beatty M.J. (Eds.). *Communication and personality: Trait perspectives*. Cresskill, NJ: Hampton Press, 1998. P. 287–307.

15. Spitzberg B.H. & Hecht M.L. Component model of relational competence // *Human Communication Research*. 1984. № 10. P. 575–599.

16. Villaume W.A. & Cegala D.J. Interaction involvement and discourse strategies: The patterned usage of cohesive devices in conversation // *Communication Monographs*. 1988. № 55. P. 22–40.

* * *

1. Vasilik M.A. [i dr.]. *Osnovy teorii komunikacii*. M.: Gardariki, 2006.

2. Gofman I. *Ritual vzaimodejstviya. Oчерki povedeniya licom k licu*. M.: Smysl, 2009.

3. Guljaeva M.A. *Strategii otzaka ot obshhenija // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskie nauki*. 2013. № 1(76). S. 12–15.

4. Leontovich O.A. *Pozitivnaja komunikacija. Postanovka problemy // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser.: Lingvistika*. 2015. № 1. S. 164–176.

5. Sokolova M.S. *Adaptacija k sobesedniku v processe mezhlichnostnoj komunikacii: dis. ... kand. filol. nauk*. Volgograd, 2012.

6. Chernichkina O.V. *Kommunikativnaja iniciativa v mezhlichnostnom obshhenii: dic. ... kand. filol. nauk*. Volgograd, 2013.

Extent of involvement in communication

As part of the study of positive communication, involvement in communication is of particular interest, being its structural component and playing a key role in effective communication. This phenomenon is interpreted as the degree of cognitive and behavioural involvement in the communication process. The gradation of degrees of involvement in the process of interaction is under consideration in the article.

Key words: *involvement in communication, degree of involvement in communication, communicative competence, positive communication, interpersonal communication.*

(Статья поступила в редакцию 31.05.2018)

И.А. КУДРЕЙКО
(Донецк)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ДОНБАССЕ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Анализируется языковая ситуация на территории Донбасса за последние 120 лет с учетом исторических процессов, статуса и коммуникативной нагрузки наиболее употребляемых языков: русского и украинского.

Ключевые слова: *языковая ситуация, полилингвизм, билингвизм, родной язык, языковая идентификация.*

Языковая ситуация – одна из важнейших проблем социолингвистики. Как предмет отдельного социолингвистического исследования она проанализирована в трудах В.А. Аврорина [1], Л.П. Крысина [5], Л.Б. Никольского [10], А.Д. Швейцера [18], В.М. Брицина [2], Л.Т. Масенко [8], Л.А. Ставицкой [16], О.Б. Ткаченко [17], Н.П. Шумарова [19] и др. По определению А.М. Куця, «языковая ситуация – присущий обществу способ удовлетворения коммуникативных потребностей посредством одного или нескольких языков» [6, с. 65].

Следует отметить, что Донецкая область на протяжении всей истории своего существования была многоязычной, на ее территории одновременно функционировало несколько языков, среди которых русский и украинский удовлетворяли все коммуникативные потребности жителей области в различных социальных сферах. Следовательно, языковую ситуацию в Донецкой области можем охарактеризовать как полилингвальную с доминирующим билингвизмом. Для исчерпывающего анализа языковой ситуации на исследуемой территории остановимся на национально-демографических, языковых процессах, которые происходили в Донецкой области и нашли адекватное проявление в соответствующих архивных документах. В нашей работе исследуем и проанализируем исторические документы, связанные с этапами заселения, формированием национального состава Донецкой области, данные переписей 1897, 1923, 1939, 1970, 2001 гг.

Донецкая область характеризуется полиэтничностью. На ее территории проживает

133 этнические группы. Наличие на территории области представителей различных национальностей обусловлено особенностями заселения края. В начале XVII в. значительные территории современной области заселялись запорожским и донским казачеством [14, с. 15–17]. Активнее заселялся край во второй половине XVII в. Этому способствовал ряд факторов, среди которых особое значение имел военно-политический договор Украины с Россией, заключенный Б. Хмельницким в 1654 г., согласно которому Левобережная Украина и Запорожье входили в состав Российского государства [12, с. 30–31]. Во второй половине XVII – начале XVIII в. усилилась миграция населения из Слободской Украины на территорию современной Донецкой области [11, с. 9]. Причиной массовых переселений было открытие нового солевого промысла в Донецких степях. В 1721 г. Н. Вепрейский и С. Чирков на территории Бахмутской провинции нашли месторождение каменного угля, дальнейшая разработка которого привела к новым переселениям на эти территории [15, с. 11].

С 1751 г. между Северским Донцом, Бахмуткой и Луганью начали селиться сербы, молдаване, волохи [9, с. 52]. В 1778 г. царское правительство разрешило переселение на территорию южнорусской губернии христианского населения (греков и армян). В Приазовье прибыло 18 000 греков, которые основали на побережье Азовского моря и на правом берегу Кальмиуса 24 слободы.

В конце XVIII в. в междуречье Кальмиуса и Грузского Еланчика (территория современного Новоазовского района) основали колонии прусские, баденские и саксонские немцы. Немецкая колонизация этого района, осуществляемая в несколько этапов, продолжалась до конца XIX в. В 1882 г. здесь проживало более 6 тыс. немцев. Во второй половине XVIII в. в междуречье Северского Донца возникли новые поселения украинских и русских крестьян, бежавших от своих крепостников. К концу XVIII в. на территории нынешней Донецкой области насчитывалось более 200 тыс. чел., представлявших около 40 этнических групп.

Во второй половине XIX в. в связи с индустриализацией Донбасса усиливается приток в край русского населения. Из русских в подавляющем большинстве и формировался местный управленческий персонал. Это и определило ту ситуацию, когда города Донбасса в основном были русскоязычными, в то время как село оставалось украиноязычным [13, с. 13–14].

Первая всеобщая перепись Российской Империи 1897 г. дала возможность определить национальный состав населения на территории Екатеринославской губернии. Состав населения по народности (национальности) в переписи определялся только на основе данных о родном языке. Екатеринославская губерния по этому показателю выделялась среди других губерний Европейской России. Переписью зарегистрировано 45 различных отдельных наречий, т. е. в губернии жили представители 45 различных народностей. По национальности и родному языку население Бахмутского, Мариупольского уездов делилось на следующие группы: малороссы – 310 716 чел., великороссы – 239 393, белорусы – 3 165, поляки – 2 528, чехи и словены – 151, сербы – 48, болгары – 70, литовцы – 131, жмуды – 11, латыши – 65, молдаване (румыны) – 6 466, французы – 497, итальянцы – 76, немцы – 21 750, шведы – 14, норвежцы – 5, голландцы – 5, англичане – 325, греки – 48 432, армяне – 341, персы – 14, осетины – 61, евреи – 19 748, грузины (картвельские) – 11, черкесы – 4, финны – 19, эстонцы – 34, татары – 15 818, мешчеряки – 1, башкиры – 2, турки – 5 337. Из полученных данных видно, что самыми многочисленными на территории Бахмутского и Мариупольского уездов были малороссы (52,97%) и великороссы (40,81%).

Впервые Донбасс был выделен в отдельную административную единицу 1 февраля 1919 г. в составе двух уездов Екатеринославской губернии: Бахмутского и Славяносербского (цит по: [4, с. 48]). В 20-е – 30-е гг. XX в. Донбасс стал местом крупнейшей в Украине миграции за все времена. Войны, разрушение и голод в начале 1920-х гг. негативно отразились на количественном составе многонационального населения Донбасса. По окончании Гражданской войны советское правительство первоочередной задачей считало пополнение рабочей силы заводов и шахт Донбасса. С провозглашением курса на индустриализацию эта задача приобрела еще более важное значение. Основным прибывшим населением, как и в прежние времена, были русские. Наибольшая часть прибывшего населения была из Приуралья, Центрального района России, Сибири, Брянской, Курской и др. областей. Городское население в основном состояло из украинцев, прибывших из сел. В этот период с территории Донецкой области эмигрируют немцы, евреи и высококвалифицированные специалисты других национальностей. Голод 1932–1933 гг. в Донбассе привел к значительным потерям на-

селения – как сельского, так и городского, однако трудно определить цифры погибших от голода и репрессий, поскольку в этот период в Донбасс постоянно прибывали переселенцы. В 20-е – 30-е гг. XX в. в Донбасс, в частности Сталинскую область, прибыла значительная часть переселенцев разных национальностей.

В 20-е гг. XX в. на территории УССР активно проводилась политика украинизации: Совнарком УССР 27 июля 1923 г. издал де-

крет «О мерах по украинизации учебно-воспитательных и культурно-образовательных учреждений», а 1 августа 1923 г. ВУЦИК и Совнарком УССР опубликовали постановление «О мерах обеспечения равноправия языков и содействие развитию украинского языка». Оба эти документа подтверждали равноправие языков представителей всех национальностей, проживающих на территории УССР, и создавали каждому гражданину любой нацио-

Таблица 1

Состав населения Донецкой области по показателю употребления родного языка (согласно переписи 1970 г.)

Национальность	Родной нац. язык	Родной укр. язык	Родной рус. язык	Родной др. язык
Украинцы (2 596 94)	1 831 910 (70,54%)	–	764 795 (29,45%)	189 (0,007%)
Русские (1 987 218)	1 973 061 (99,2%)	14 000 (0,7%)	–	157 (0,007%)
Греки (93 937)	5 396 (5,74%)	1 876 (1,99%)	86 371 (91,94%)	294 (0,01%)
Белорусы (77 836)	24 999 (32,11%)	1 502 (1,92%)	51 307 (65,91%)	10 (0,01%)
Евреи (39 988)	1 997 (4,99%)	245 (0,61%)	37 707 (94,29%)	39 (0,09%)
Татары (26 716)	16 079 (60,18%)	154 (0,54%)	10 468 (39,18%)	15 (0,05%)
Молдаване (11 760)	4 322 (36,75%)	875 (7,4%)	6 548 (55,68%)	15 (0,01%)
Поляки (8 574)	853 (9,94%)	1 653 (19,27%)	5 944 (69,32%)	124 (1,44%)
Болгары (7 708)	1 597 (20,71%)	309 (4%)	5 797 (75,20%)	5 (0,06%)
Армяне (6 029)	2 137 (35,44%)	44 (0,72%)	3 827 (63,47%)	21 (0,34%)

Таблица 2

Языковой состав населения Донецкой области (по данным Всеукраинской переписи населения 2001 г.), % от общего количества населения Донецкой области

Национальность	Родной нац. язык	Родной укр. язык	Родной рус. язык	Родной др. язык
Украинцы	41,2	–	58,7	0,1
Русские	98,6	1,3	–	0,1
Греки	5,4	3,2	91,3	0,1
Белорусы	10,4	3,9	85,5	0,2
Татары	24,3	1,6	73,9	0,2
Армяне	38,6	1,4	59,5	0,5
Евреи	1,5	2,4	95,9	0,2
Азербайджанцы	42,2	1,8	53,7	2,3
Грузины	26,0	2,5	71,1	0,4
Молдаване	15,2	7,1	77,1	0,6
Болгары	7,1	5,8	86,8	0,3
Немцы	4,8	6,5	88,6	0,1
Поляки	4,1	19,3	75,7	0,9
Цыгане	44,9	13,0	40,3	1,8
Другие	23,9	3,9	69,9	2,3

нальности равные возможности и права в его отношениях с государственными органами [3, с. 82].

Перепись 1923 г. дает возможность сделать вывод о национальном составе (национальность определялась по родному языку респондентов) различных слоев населения в районах позднего заселения. Всего на территории Донецкой области, согласно переписи 1923 г., проживало 2 518 010 чел., среди них украинцев – 1 609 713 чел. (63,9%), русских – 655 962 (26%), немцев – 56 834 (2,3%), греков – 86 615 (3,4%), болгар – 867 (0,03%), поляков – 6 622 (0,3%), татар – 5 347 (0,2%), евреев – 42 727 (1,7%), других – 16 032 (0,6%), неизвестных – 37 303 (1,5%).

Эти данные указывают, что на момент проведения переписи 1923 г. большая часть населения Донецкой губернии (современной Донецкой области) была украиноязычной. В основном родным украинский язык назвали 63,92% от общего количества населения, что касается русского языка, то родным его назвали 26,05% от общего количества населения губернии. Е.В. Обиднёва отмечает, что в период с 1926 г. по 1937 г. общее количество украинцев в СССР уменьшилось с 31 194 976 до 26 421 212 чел., т. е. на 4 773 764 чел., а население Донбасса за этот период увеличилось на 2 010 525 чел. [11, с. 149].

В Сталинской области (современной Донецкой), по данным переписи 1939 г., общее количество населения – 3 099 810 чел. Родным языком считали: украинский – 1 545 487 чел. (49,9% жителей области), русский – 1 412 577 (45,6%), греческий – 52 681 (1,7%), немецкий – 36 081 (1,2%), еврейский – 15 995 (0,5%), татарский – 11 431 (0,4%), белорусский – 8 973 (0,3%), молдавский – 3 805 (0,1%), армянский – 2 157 (0,1%), болгарский – 1 579 (0,1%), польский – 1 241 (0,4%).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в обществе наиболее употребляемыми в исследуемый период были два языка: украинский, которым пользовалось 49,85% населения области, и русский, удовлетворявший коммуникативные потребности 45,57% жителей исследуемой территории.

За годы послевоенного восстановления численность населения превысила уровень 1939 г. и приблизилась к уровню 1941 г. В последующий период наблюдаем увеличение количества населения области.

Согласно переписи 1970 г., общее количество городского и сельского населения До-

нецкой области – 4 891 979 чел. Распределение населения по родному языку представлено в таблице 1. Если говорить о распределении по показателю «родной язык», то здесь отражено количество представителей определенной национальности (1-й столбец), количество человек в абсолютном и процентном измерении, которые считают родным свой национальный язык или иной национальный язык: русский, украинский или др. (2–4-е столбцы).

Анализируя эти данные, видим, что наибольшее количество представителей разных этнических групп отдают предпочтение русскому языку как родному, а именно: греки, белорусы, евреи, молдаване, поляки, болгары, армяне (в этот список не попали украинцы, татары, потому что больше 50% представителей этих национальностей родным считают свой национальный язык: 70,54% украинцев, 60,18% татар). Следует отметить, что 2 945 825 чел., а это 60,21% от общего количества населения Донецкой области, родным считают русский язык.

В период до 1989 г. количество населения области постоянно увеличивалось. Данные переписи 2001 г. предоставляют возможность выяснить количественно-процентное соотношение представителей различных национальностей, проживающих на территории Донецкой области. В национальном составе населения Донецкой области подавляющее количество украинцев, численность которых на 5 декабря 2001 г. составила 2744,1 тыс. чел., или 56,9% от общей численности населения. Второе место по численности занимали русские: их количество к моменту переписи населения 2001 г. составляло 1844,4 тыс. чел. Третье место по количеству занимали греки, их насчитывалось 77,5 тыс. чел.

Анализ переписей 1897, 1923, 1939, 1970, 2001 гг. дает возможность определить изменения, которые произошли на языковом фоне исследуемой территории в течение последних 120 лет: языковая ситуация в Донецкой области многокомпонентная. Относительно коммуникативной нагрузки языков заметим, что в конце XIX в. украинский язык был доминирующим, а в течение следующего XX в. доминирующим, параллельно с украинским, стал русский язык, что и наблюдаем до сих пор. Согласно данным переписи 1897 г., 52,4% населения говорили по-украински. За последние 100 лет ситуация существенно изменилась: количество русскоязычного населения увеличилось с 40,81% до 74,9%, а украиноязычного – уменьшилось с 52,97% до 24,1%; по показа-

телю «родной язык» большинство украинцев родным считают русский.

Итак, анализ данных за последние 120 лет по этнической и языковой идентификации жителей исследуемой территории дает возможность выявить показатели демографической и коммуникативной мощности украинского и русского языков, определить актуальные вопросы языковой политики.

Список литературы

1. Аврорин В.А. Двужычье и школа // Проблемы двужычья и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 49–55.
2. Брицин В.М. Соціолінгвістика // Українська мова: енциклопедія / редколегія: В.М. Русанівський (співголова), О.О. Тараненко (співголова), М.П. Зяблюк [та ін.]. 2-ге вид. випр. і доп. К.: Видво «Українська енциклопедія» ім. М.П. Бажана», 2004. С. 631.
3. Даниленко В.М. Українізація: здобутки і втрати (20–30-ті роки) // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: респ. міжвід. зб. наук. праць / гол. ред. Ю.Ю. Кондуфор. Вип. 2. К.: Наукова думка, 1992. С. 79–92.
4. Загнітко А.П. «Слово у душі, душа у слові» (за сторінками авторської програми «Мова рідна, слово рідне...» (1989 – 1996 рр)): науково-популярне вид. Донецьк: Академія, 1997.
5. Крысин Л.П. Социолінгвістическі аспекти изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.
6. Куць О.М. Мовна політика в державотворчих процесах України: навч. посіб. Х.: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2004.
7. Лихолобова З.Г. Звіт про науково-дослідницьку роботу Історія Донбасу: історичні, археологічні та етнічні дослідження. Донецьк, 1992.
8. Масенко Л. Нариси з соціолінгвістики. Київ: Києво-Могилян. акад., 2010.
9. Никольский В.Н. Национальные проблемы 20-х годов и их решение // Нові сторінки в історії Донбасу: ст. / упоряд. З. Г. Лихолобова. Донецьк: Донбас, 1992. Кн. 2. С. 51–70.
10. Никольский Л.Б. Синхронная социолінгвістика (теория и проблемы). М.: Наука, 1976.
11. Обидньова О.В. Зміни в національному складі населення Донецького басейну в 20–30-роки ХХ століття // Нові сторінки історії Донбасу: ст. / голов. ред. З.Г. Лихолобова. Донецьк: Видавництво Донецького ДУ, 1998. Кн. 6. С. 142–153.
12. Пирко В.А. Заселение в XVI – XVIII вв. // Нові сторінки в історії Донбасу: ст. / голов. ред. З.Г. Лихолобова. Донецьк: Донбас, 1992. Кн. 1. С. 26–44.
13. Пирко В.О. Міста Донеччини в XVII – XVIII ст. // Нові сторінки історії Донбасу: ст. / голов. ред. З.Г. Лихолобова. Донецьк, 1998. Кн. 6. С. 5–20.

14. Пирко В.О. Заселення Донеччини у XVI–XVIII ст. (короткий історичний нарис і уривки з джерел). Донецьк: Східний видавничий дім, 2003.

15. Подов В.И. Открытие Донбасса: исторический очерк. Документы. Луганск: РГТ, 1991.

16. Ставицька Л. Українсько-російська двомовність: соціопсихологічні та лексикографічні аспекти // Дивослово. 2001. № 11. С. 14.

17. Ткаченко О.Б. Соціолінгвістична класифікація мов у слов'янській специфіці і динаміці // Мовознавство. 2003. № 2–3. С. 3–13.

18. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолінгвістику. М.: Наука, 1978.

19. Шумарова Н.П. Мовна компетенція особистості в ситуації білінгвізму. К.: Київський державний лінгвістичний університет, 2000.

Список источников

Всесоюзный перепись людності 1926 року. Т. XIII: Українська соціалістична радянська республіка. Степ. Дніпрянський промисловий підрайон. Гірничий підрайон. Національність. Рідна мова. Вік. Писемність. Видання ЦСУ Союзу РСР. М., 1929.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV: Национальный состав населения СССР / отв. Орехов. М.: Изд-во «Статистика», 1973.

Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (январь, февраль 1923 г.) // Итоги демографической переписи Донбасса. Харьков: Типо-лито-фото-цинкография Воен.-Ред. Сов. УВО им. Фрунзе, 1923. Т. 4.

Національний склад та рідна мова населення Донецької області (за даними Всеукраїнського перепису населення 2001 року). Донецьк: Ротапринт, 2003.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XIII т.: Екатеринославская губерния / под ред. А. Тройницкого. СПб.: Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904.

Сводные таблицы Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР о распределении лиц, имеющих занятия по отраслям народного хозяйства, национальности, общественным группам, источникам средств существования населения по итогам Всесоюзной переписи населения в целом по области и населенным пунктам, 1939 г. // Государственный архив Донецкой области (ГАДО). Ф. Р-4249. Оп. 1 доп. Спр. 24.

Сводные таблицы Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР о распределении лиц, имеющих занятия по отраслям народного хозяйства, национальности, общественным группам, источникам средств существования населения по итогам Всесоюзной переписи населения в целом по области и населенным пунктам, 1939 г. // ГАДО. Ф. Р-4249. Оп. 1 доп. Спр. 25.

Сводные таблицы Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР о

распределении населения по национальности и родному языку, занятиям и возрасту по итогам Всесоюзной переписи населения в целом по области и г. Сталино (Ф. Д–О, Д–В), 1939 г. // ГАДО. Ф. Р-4249. Оп. 1 доп. Спр. 26.

* * *

1. Avrorin V.A. Dvujazychie i shkola // Problemy dvujazychija i mnogojazychija. M.: Nauka, 1972. S. 49–55.

2. Bricin V.M. Sociolingvistika // Ukraïns'ka mova: enciklopedija / redkolegija: V.M. Rusanivs'kij (spivgolova), O.O. Taranenko (spivgolova), M.P. Zjabljuk [ta in.]. 2-ge vid. vipr. i dop. K.: Vid vo «Ukraïns'ka enciklopedija» im. M.P. Bazhana», 2004. S. 631.

3. Danilenko V.M. Ukraïnzacija: zdobutki i vtrati (20–30-ti roki) // Problemi istorii Ukraïni: fakti, sudzhennja, poshuki: resp. mizhvid. zb. nauk. prac' / gol. red. Ju.Ju. Kondufor. Vip. 2. K.: Naukova dumka, 1992. S. 79–92.

4. Zagnitko A.P. «Slovo u dushi, dusha u slovi» (za storinkami avtors'koï programi «Movo ridna, slovo ridne...» (1989 – 1996 rr)): naukovo-populjarne vid. Donec'k: Akademija, 1997.

5. Krysin L.P. Sociolingvisticheskie aspekty izuchenija sovremennogo russkogo jazyka. M.: Nauka, 1989.

6. Kuc' O.M. Movna politika v derzhavotvorchih procesah Ukraïni: navch. posib. H.: HNU im. V.N. Karazina, 2004.

7. Liholobova Z.G. Zvit pro naukovo-doslidnic'ku robotu Istorija Donbasu: istorichni, arheologichni ta etnichni doslidzhennja. Donec'k, 1992.

8. Masenko L. Narisi z sociolingvistiki. Kiïv: Kievo-Mogiljan. akad., 2010.

9. Nikol'skij V.N. Nacional'nye problemy 20-h godov i ih reshenie // Novi storinki v istorii Donbasu: st. / uporjad. Z. G. Liholobova. Donec'k: Donbas, 1992. Kn. 2. S. 51–70.

10. Nikol'skij L.B. Sinhronnaja sociolingvistika (teorija i problemy). M.: Nauka, 1976.

11. Obidn'ova O.V. Zmini v nacional'nomu skladi naselennja Donec'kogo basejnu v 20–30-roki XX stolittja // Novi storinki istorii Donbasu: st. / golov. red. Z.G. Liholobova. Donec'k: Vidavnictvo Donec'kogo DU, 1998. Kn. 6. S. 142–153.

12. Pirko V.A. Zaselennja v XVI – XVIII vv. // Novi storinki v istorii Donbasu: st. / golovn. red. Z.G. Liholobova. Donec'k: Donbas, 1992. Kn. 1. S. 26–44.

13. Pirko V.O. Mista Donechchini v XVII – XVIII st. // Novi storinki istorii Donbasu: st. / golovn. red. Z.G. Liholobova. Donec'k, 1998. Kn. 6. S. 5–20.

14. Pirko V.O. Zaselennja Donechchini u XVI–XVIII st. (korotkij istorichnij naris i urivki z dzherel). Donec'k: Shidnij vidavnicij dim, 2003.

15. Podov V.I. Otkrytie Donbassa: istoricheskij ocherk. Dokumenty. Lugansk: RGT, 1991.

16. Stavic'ka L. Ukraïns'ko-rosijs'ka dvomovnist': sociopsihologichni ta leksikografichni aspekti // Divoslovo. 2001. № 11. S. 14.

17. Tkachenko O.B. Sociolingvistichna klasifikacija mov u slov'jans'kij specifičij i dinamici // Movoznavstvo. 2003. № 2–3. S. 3–13.

18. Shvejcer A.D., Nikol'skij L.B. Vvedenie v sociolingvistiku. M.: Nauka, 1978.

19. Shumarova N.P. Movna kompetencija osobnosti v situacij bilingvizmu. K.: Kiïvs'kij derzhavnij lingvistichnij universitet, 2000.

Spisok istochnikov

Vsesojuznij perepis ljudnosti 1926 roku. T. XIII: Ukraïns'ka socialisticzna radjans'ka respublika. Step. Dniprojans'kij promislavij pidrajon. Girmichij pidrajon. Nacional'nist'. Ridna mova. Vik. Pisemnist'. Vidannja CSU Sojuzu RSR. M., 1929.

Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1970 g. T. IV: Nacional'nyj sostav naselenija SSSR / otv. Orehov. M.: Izd-vo «Statistika», 1973.

Itogi sploshnoj podvornoj perepisi Doneckoj gubernii (janv., fevr. 1923 g.) // Itogi demograficeskoj perepisi Donbassa. Har'kov: Tipo-lito-foto-cinkografija Voen.-Red. Sov. UVO im. Frunze, 1923. T. 4.

Nacional'nij sklad ta ridna mova naselenija Donec'koï oblasti (za danimi Vseukraïns'kogo perepisu naselennja 2001 roku). Donec'k: Rotaprint, 2003.

Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii 1897 g. XIII t.: Ekaterinoslavskaja gubernija / pod red. A. Trojnickogo. SPb.: Izd. Centr. stat. kom. M-va vnutr. del, 1904.

Svodnye tablicy Central'nogo upravlenija narodno-hozjajstvennogo ucheta Gosplana SSSR o raspredelenii lic, imejushhij zanjatija po otrasljam narodnogo hozjajstva, nacional'nosti, obshhestvennym grup-pam, istochnikam sredstv sushhestvovanija naselenija po itogam Vsesojuznoj perepisi naselenija v celom po oblasti i naselennym punktam, 1939 g. // Gosudarstvennyj arhiv Doneckoj oblasti (GADO). F. R-4249. Op. 1 dop. Spr. 24.

Svodnye tablicy Central'nogo upravlenija narodno-hozjajstvennogo ucheta Gosplana SSSR o raspredelenii lic, imejushhij zanjatija po otrasljam narodnogo hozjajstva, nacional'nosti, obshhestvennym grup-pam, istochnikam sredstv sushhestvovanija naselenija po itogam Vsesojuznoj perepisi naselenija v celom po oblasti i naselennym punktam, 1939 g. // GADO. F. R-4249. Op. 1 dop. Spr. 25.

Svodnye tablicy Central'nogo upravlenija narodno-hozjajstvennogo ucheta Gosplana SSSR o raspredelenii naselenija po nacional'nosti i rodnomu jazyku, zanjatijam i vozrastu po itogam Vsesojuznoj perepisi naselenija v celom po oblasti i g. Stalino (F. D–O, D–V), 1939 g. // GADO. F. R-4249. Op. 1 dop. Spr. 26.

Language situation in the Donbass: synchrony and diachrony

The article deals with the language situation in the territory of the Donbass over the past 120 years, taking into consideration the historical processes, the status and communicative load of the most frequently used languages: Russian and Ukrainian.

Key words: *language situation, polylingualism, bilingualism, native language, language identification.*

(Статья поступила в редакцию 13.06.2018)

Л.М. БУЗИНОВА
(Москва)

О ДИСКУРСНОЙ СТАНДАРТИЗАЦИИ И ЯЗЫКОВОМ ВАРЬИРОВАНИИ

Описываются феномены универсализации и дифференциации в современном русском и французском языке. Обращается внимание на стилистическую неразборчивость современных средств массовой информации, которые широко используют сниженную лексику. Подчеркивается факт дополнительной кодировки речи в связи с активной дифференциацией современного французского языка. Делается вывод о том, что русскому узусу в большей мере присуща жанровая и стилистическая интеграция, тогда как французскому современному дискурсу – вариативность и дифференциация.

Ключевые слова: *вариативность, унификация, стилевая нивелировка, дискурсные тенденции, языковое поведение.*

Универсализация и дифференциация относятся к характерным признакам развития любого языка. Эти два явления активно изучаются как в нашей стране, так и за рубежом [12]. При этом степень интеграции и варьирования языкового материала зависит от конкретной эпохи, в которой эволюционирует та или иная лингвокультура.

В современных национальных языках (в частности, русском языке) наблюдается процесс выравнивания стилистических и жанровых характеристик речевого дискурса. Это

проявляется в тенденции к широкой функционально-стилевой интеграции и ведет, как следствие, к относительной нивелировке использования языковых средств [6].

Речевое употребление демократизируется, все больше ориентируясь на разговорность, литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной [5, с. 106–110]. Несмотря на резкий рост вариативности средств выражения, который, казалось бы, должен разнообразить и индивидуализировать речь, «возникло примечательное явление – агрессивная некомпетентность, черпающая знания из масс-медиа, ныне крайне противоречивых, но безапелляционных в своем подчинении интересам сторон в междоусобной политической борьбе за власть» [4, с. 43].

Унификация русских речевых стратегий проявляется, например, в отсутствии дополнительных объяснений жаргонизмов в газетных текстах, что говорит о «высокой» компетентности читателей в области блатной лексики. На страницах печати нередко можно встретить типичные образцы общепонятной и общеупотребительной лексики: *западло, общак, косить, кинуть, мент, гопстоп, бомбить хату, упакованная хата, пятихатка, клепаная косуха, посадить на перо* и пр. [10].

Свою лепту в нивелировку речи вносят телевидение и радио. В последнее время из-за дороговизны подписных изданий для многих россиян телевидение и радио стали почти единственными источниками новостей и «говорить правильно» для многих означает «говорить как ведущий» (как по телевизору или радио). По мнению критиков, качество речи средств массовой информации катастрофически ухудшается, становясь в один ряд с площадно-разговорной «нормой» [8].

Так, говоря о речи популярного ведущего Дмитрия Диброва, журналист пишет: «(Разболтанный Дима) практически ни одного высказывания из трех длинноватых фраз не может закончить, не запутавшись в падежах, придаточных предложениях или хотя бы ударениях. Он говорит не просто плохо, а воинствующе плохо – утверждая свое (и легиона поклонников) право говорить именно так» (Аргументы и факты. 1994. № 22). Правда, в последнее время его речь становится более аккуратной, но вместе с тем более выхолощенной.

Свобода слова, как известно, предполагает свободу речеизъявления. Говорящий как бы выбирает свою собственную норму, а на самом